

Николай Бердяев

ДУХОВНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПОБЕДА НАД СТРАХОМ И СМЕРТЬЮ*

Аннотация. Утверждается: человек находится в рабстве, но стремится к свободе, в человеке есть духовное начало, независимое от мира, победа духа над рабством есть победа над страхом жизни и страхом смерти, познание истины требует победы над страхом, победа над страхом смерти есть победа духовной личности над биологическим индивидуумом, победа над смертью есть творчество, духовный экстаз укрепляет личность, мир духовности создается человеческим творчеством – это есть творческое преображение мира.

Ключевые слова: человек; духовное начало; борьба за духовное освобождение; страсти; страх жизни; страх смерти; высокое нравственное сознание в отношении смерти; творчество как освобождение от рабства; духовный экстаз.

Abstract. It is stated that man is in servitude but strives for freedom. There is spiritual origin in a man regardless of world; triumph of spirit over servitude is the triumph over the fear of life and the fear of death; cognition of truth requires triumph over the fear of death; triumph over the fear of death is a triumph of spiritual person over biological individual; triumph over death is creativity; spiritual ecstasy strengthens a person; spiritual world is created by man's creativity and this is creative transformation of world.

Keywords: man; spiritual origin; struggle, for spiritual liberation; passions; fear of life; fear of death; high moral consciousness versus death; creativity as liberation from servitude; spiritual ecstasy.

Человек находится в рабстве, но стремится к свободе

Человек находится в рабстве, он часто не замечает своего рабства и иногда любит его. Но человек стремится также к освобождению. Ошибочно было бы думать, что средний человек любит свободу. Еще более ошибочно думать, что свобода легкая вещь. Свобода трудная вещь. Оставаться в рабстве легче. Любовь к свободе, стремление к освобождению есть показатель уже некоторой высоты человека, свидетельствует о том, что человек внутренне уже перестает быть рабом.

В человеке есть духовное начало, независимое от мира

В человеке есть духовное начало, независимое от мира и не детерминированное миром. Освобождение человека есть требование не природы, разума или общества, как часто думают, а духа. Человек не только дух,

---

* Бердяев Н. А. Духовное освобождение человека. Победа над страхом и смертью // О назначении человека. – М., 2006. – С. 244–252.

он сложного состава, он также и животное, также и явление материального мира, но человек также и дух. Дух есть свобода, и свобода есть победа духа. Но ошибочно было бы думать, что рабство человека происходит всегда от власти животного-материальной стороны человека. В самой духовной стороне человека могут быть тяжелые заболевания, может быть раздвоение, может быть экстериоризация и самоотчуждение духа, может быть утеря свободы, может быть пленение духа. В этом вся сложность проблемы свободы и рабства человека. Дух экстериоризируется, выбрасывается вовне и действует на человека, как необходимость, и он возвращается к себе, внутрь, то есть к свободе. Одну сторону этого процесса духа понимал Гегель, но не все понимал, не понимал, может быть самого главного.

Человек свободный
в центре духовного
мира

Человек свободный должен чувствовать себя не на периферии объективированного мира, а в центре мира духовного. Освобождение и есть пребывание в центре, а не на периферии, в реальной субъективности, а не в идеальной объективности. Но духовная концентрация, к которой зовут все наставления духовной жизни, может быть двойственна по своим результатам. Она дает духовную силу и независимость от терзающей человека множественности. Но она может суживать сознание и вызывать одержимость одной идеей. Тогда духовное освобождение превращается в новую форму прельщения и рабства. Это знают люди, которые идут духовным путем. Никогда не дает освобождения простое бегство от реальности или отрицание реальности.

Духовное
освобождение есть
борьба

Духовное освобождение есть борьба. Дух не есть отвлеченная идея, не есть универсалии. Не только каждый человек, но и собака, кошка, букашка есть более экзистенциальная ценность, чем отвлеченная идея, чем общеуниверсальное. Духовное освобождение сопровождается переходом не к абстракции, а к конкретности. Об этом свидетельствует Евангелие. В этом персонализм Евангелия. Духовное освобождение есть победа над властью чуждости. В этом смысл любви. Но человек легко становится рабом, не замечая этого. Он освобождается, потому что в нем есть духовное начало, способность не детерминироваться извне. Но так сложна человеческая природа и так запутано его существование, что из одного рабства он может впасть в другое, впасть в абстрактную духовность, в детерминирующую власть общей идеи.

Дух един, целостен
и присутствует
в каждом своем акте

Дух един, целостен и присутствует в каждом своем акте. Но человек не есть дух, он лишь имеет дух, и потому в самых духовных актах человека возможна

раздробленность, отвлеченность и перерождение духа. Окончательное освобождение возможно только через связь духа человеческого с духом Божиим. Духовное освобождение есть всегда обращение к бóльшей глубине, чем духовное начало в человеке, обращение к Богу. Но и обращение к Богу может быть поражено болезнью и превратиться в идолопоклонство. Поэтому необходимо постоянное очищение. Бог может действовать только на свободу, в свободе и через свободу. Он не действует на необходимость, в необходимости и через необходимость. Он не действует в законах природы и законах государства. Поэтому учение о Промысле и учение о благодати требует пересмотра, традиционные учения неприемлемы.

Духовное освобождение человека

Духовное освобождение человека есть реализация личности в человеке. Это есть достижение целостности. И вместе с тем это есть неустанная борьба. Основной вопрос реализации личности не есть вопрос о победе над детерминацией материи. Такова лишь одна сторона. Основной вопрос есть вопрос о целостной победе над рабством. Мир плох не потому, что в нем есть материя, а потому, что он не свободен, поработчен. Тяжесть материи произошла от ложной направленности духа. Основное противоположение не духа и материи, а свободы и рабства. Духовная победа есть не только победа над элементарной зависимостью человека от материи. Еще более трудна победа над обманными иллюзиями, ввергающими человека в рабство, наименее сознаваемое. Зло в человеческом существовании является не только в открытом виде, но и в обманном образе добра. Идолы, которым поклоняется человек, принимают образы добра. Антихрист может прельщать обманным сходством с образом Христа. Так это и происходит внутри христианского мира.

Многие идеи являются злом

Многие универсально-общие, отвлеченные идеи являются злом в возвышенном образе. Об этом говорится на протяжении всей моей книги. Недостаточно сказать, что нужно освободиться от греха. Грех является не только в примитивном виде и соблазняет, возможна одержимость идеей греха и соблазненность ложной борьбой против греха, который видится повсюду в жизни. Поработщает человека не только реальный грех, но и одержимость идеей греха, съедающей всю жизнь. Это одно из рабских извращений духовной жизни. Рабство, ощущаемое человеком как насилие извне и ненавидимое менее страшно, чем рабство, которое прель-

щает человека и которое он полюбил. Демониакальный характер получает все относительное, превращенное в абсолютное, все конечное, превращенное в бесконечное, все профанное, превращенное в сакральное, все человеческое, превращенное в божественное. Демониакальным делается отношение к государству, к цивилизации, даже к церкви. Есть церковь в экзистенциальном смысле как коммунальность, и есть церкви как объективация, как социальный институт. Когда церковь, как объективация и социальный институт, признается святой и непогрешимой, то начинается идолотворение и рабство человека. Это есть извращение религиозной жизни и демониакальный элемент внутри религиозной жизни.

Человеческая жизнь
искалечена
страстями

Человеческая жизнь искалечена выдуманскими, преувеличенными, экзальтированными страстями, религиозными, национальными, социальными и унижительными страхами. На этой почве возникает порабощение человека. Человек обладает способностью превращать любовь к Богу и к высшей идее в самое страшное рабство.

§

Победа духа над
рабством есть победа
над страхом жизни
и страхом смерти

Победа духа над рабством есть, прежде всего, победа над страхом, над страхом жизни и страхом смерти. Киркегардт видит в страхе-ужасе основной религиозный феномен и признак значительности внутренней жизни Библия говорит, что начало премудрости — страх Божий. И вместе с тем страх есть рабство. Как это согласовать? В этом мире человек испытывает страх жизни и страх смерти. Этот страх ослаблен и притуплен в царстве обыденности. Организация обыденности стремится создать безопасность, хотя, конечно, не может совершенно преодолеть опасности жизни и смерти. Но, погружаясь в царство обыденности, схватываясь его интересами, человек отходит от глубины и от беспокойства, связанного с глубиной. Гейдеггер верно говорит, что *das Man* притупляет трагизм жизни. Но все противоречиво и двойственно.

Обыденность
притупляет страхи

Обыденность притупляет страхи, связанные с глубиной жизни и смерти, но создает свои, другие страхи, под властью которых человек все время живет, страхи, связанные с делами мира сего. В сущности, страх определяет большую часть политических направлений, он определяет и социализированные формы религии. Забота, которую Гейдеггер признал принадлежащей к структуре бытия, неизбежно переходит в страх, в страх обы-

денный, который нужно отличать от страха трансцендентного. Есть страх, направленный вниз, и страх, направленный вверх.

Страх смерти и страх жизни притупляется движением вниз

Страх смерти и страх жизни притупляется движением вниз, к обыденности, и он побеждается движением вверх, к трансцендентному. Страх может быть более высоким состоянием, чем легкомысленное погружение в обыденность. Но страх, всякий страх, есть все-таки рабство человека. Совершенная любовь изгоняет страх. Бесстрашие есть высшее состояние. Рабский страх мешает раскрытию истины. Страх порождает ложь. Человек думает защититься от опасности ложью, он на лжи, а не на истине воздвигает царство обыденности. Мир объективации весь проникнут ложью. Истина же раскрывается бесстрашию.

Познание истины требует победы над страхом

Познание истины требует победы над страхом, добродетели бесстрашия, не боязни опасности. Пережитый и преодоленный высший страх может стать источником познания. Но познание истины дается не страхом, а победой над страхом. Страх смерти есть предельный страх. Он может быть низким, обыденным страхом, а может быть высоким, трансцендентным. Но страх смерти означает рабство человека, рабство, знакомое всякому человеку. Человек рабствует смерти. Победа над страхом смерти есть величайшая победа над страхом вообще. И вот поразительное противоречие человека в отношении к страху смерти.

Человек боится не только собственной смерти, но и смерти других людей

Человек боится не только собственной смерти, но и смерти других людей. И вместе с тем человек довольно легко решается на убийство, и как будто менее всего боится смерти, вызванной совершенным им убийством. Это есть проблема преступления, которое всегда есть если не актуальное, то потенциальное убийство. Преступление связано с убийством, убийство связано со смертью. Убийство совершается не только бандитами, убийства совершаются организованно, в огромных масштабах, государством, людьми, обладающими властью или только что ее захватившими. И вот во всех этих убийствах ужас смерти оказывается притупленным и даже почти отсутствующим, хотя ужас смерти должен был бы быть двойным: ужасом смерти вообще, ужасом смерти как результата совершенного убийства. Смертная казнь перестает восприниматься, как убийство, смерть на войне тоже, более того: перестает восприниматься, как смерть, вызывающая ужас. И это есть последствие объективации человеческого существования.

В объективированном мире все ценности извращены

В объективированном мире все ценности извращены. Человек, вместо того чтобы быть воскресителем, победителем смерти, стал убийцей, сеятелем смерти. И он убивает, чтобы создать жизнь, в которой будет меньше страха. Человек убивает из страха; в основе всякого убийства, частного или государственного, лежат страх и рабство. Страх и рабство всегда имеют роковые последствия. Если бы человеку удалось победить рабский страх, то он перестал бы убивать. Человек из страха смерти сеет смерть, из чувства рабства хочет господствовать. Господство всегда принуждено убивать. Государство всегда испытывает страх и потому принуждено убивать. Оно не хочет бороться со смертью. Люди власти очень походят на гангстеров.

Высокое нравственное сознание в отношении смерти

Я не знаю более высокого нравственного сознания в отношении смерти, чем сознание Н. Федорова*. Н. Федоров печалуется о смерти всякого существа и требует, чтобы человек стал воскресителем. Но печалование о смерти, ставшее активным, не есть страх смерти. Воскреситель побеждает страх смерти. Персонализм ставит вопрос о смерти и бессмертии не совсем так, как Н. Федоров.

Борьба против смерти не есть только личное дело – это общее дело

Н. Федоров прав, что борьба против смерти не есть только личное дело, это «общее дело». Не только моя смерть, но и смерть всякого ставит передо мной задачу. Победа не только над страхом смерти, но и над самой смертью есть реализация личности. Реализация личности невозможна в конечном, она предполагает бесконечность, не количественную, а качественную бесконечность, то есть вечность. Индивидуум умирает, так как он рождается в родовом процессе, но личность не умирает, так как не рождается в родовом процессе.

Победа над страхом смерти есть победа духовной личности над биологическим индивидуумом

Победа над страхом смерти есть победа духовной личности над биологическим индивидуумом. Но это означает не отделение бессмертного духовного начала от смертного человеческого, а преобразование целостного человека. Это не есть эволюция, развитие в натуралистическом смысле. Развитие есть результат ущербности, недостижимости полноты, и оно подчинено власти времени, есть становление во времени, а не творчество, побеждающее время. Недостаточность, ущерб-

* Федоров Н.Ф. (1829–1903) – русский религиозный мыслитель и философ-футуролог, один из родоначальников русского космизма. – *Ред. См.: Собр. соч.* в 4-х т. – М., 1995–1999 (Т. 5 : Дополнения и комментарии к т. 4, 2000).

ность, недовольство, стремление к большему носит двойственный характер, есть и низшее и высшее состояние человека. Богатство может быть ложной полнотой, ложным освобождением от рабства. Переход от ущербности к полноте, от бедности к богатству может быть эволюцией и представляется извне эволюцией. Но за этим скрыт более глубокий процесс, процесс творчества, процесс свободы, прорывающейся через детерминацию. Победа над смертью не может быть эволюцией, не может быть результатом необходимости; победа над смертью есть творчество, совместное творчество человека и Бога, есть результат свободы. Напряженность и страстность жизни влечет к смерти и связана со смертью. В круговороте природного мира жизнь и смерть неразрывны. «И пусть у гробового входа молодая будет жизнь играть». Напряженность жизненной страсти сама по себе влечет к смерти, потому что она заключена в конечном, она не выходит к бесконечности-вечности. Вечная жизнь достигается не умерщвлением и уничтожением страстной напряженности жизни, а ее духовным преображением, овладением ее творческой активностью духа. Отрицание бессмертия есть усталость, отказ от активности.

§

Творчество есть освобождение от рабства. Человек свободен, когда он находится в состоянии творческого подъема. Творчество вводит в экстаз мгновения. Продукты творчества находятся во времени, самый же творческий акт находится вне времени. Также и всякий героический акт выводит из времени. Героический акт может не быть подчинен никакой цели и быть экстазом мгновения. Но чистый героизм может быть прельщением, гордыней и самоутверждением. Так понимал чистый героизм Ницше. Так понимает его Мальро. Человек может переживать разные формы освобождающего экстаза. Может быть экстаз борьбы, экстаз эротический, может быть даже экстаз гнева, в котором человек чувствует себя способным разрушить мир. Есть экстаз принятого на себя жертвенного служения, экстаз креста. Это есть христианский экстаз. Экстаз есть всегда выход из состояния скованности и порабощенности, выход в мгновение вольности. Но экстаз может давать призрачное освобождение и вновь еще более порабощать человека. Есть экстазы, снимающие границы личности и погружающие личность в безликую космическую стихию.

Духовный экстаз
укрепляет личность

Духовный экстаз характеризуется тем, что в нем не разрушается, а укрепляется личность. Личность должна в экстазе выходить из себя, но, выходя из себя, оставаться собой. Одинаковая поработанность есть в том, чтобы быть закупоренным в себе, и в том, чтобы раствориться в безликой стихии мира. Это есть соблазн индивидуализма и противоположный соблазн космического и социального коллективизма. В духовном освобождении человека есть направленность к свободе, к истине и к любви. Свобода не может быть беспредметной и пустой. Познайте истину, и истина сделает вас свободными. Но узнавание истины предполагает свободу. Несвободное узнавание истины не только не имеет цены, но и невозможно. Но и свобода предполагает существование истины, смысла, Бога. Истина, смысл освобождают. Освобождение ведет к истине и смыслу.

Свобода должна
быть любовной,
и любовь свободной

Свобода должна быть любовной, и любовь свободной. Только сочетание свободы и любви реализует личность, свободную и творческую личность. Исключительное утверждение одного начала всегда вносит искажение и ранит человеческую личность; каждое из начал само по себе может быть источником прельщения и рабства. Свобода, ложно направленная, может быть источником рабства. В объективации духа высшее притягивается вниз и приспособляется; в творческом воплощении духа низшее, материя мира, поднимается, и происходит изменение мировой данности.

Человек есть точка
пересечения двух
миров: в котором он
чувствует себя
поработанным;
в котором он ждет
освобождения

Человеческое сознание подвержено разнообразным иллюзиям в понимании отношения между этим миром, в котором человек чувствует себя поработанным, и иным миром, в котором он ждет освобождения. Человек есть точка пересечения двух миров. Одна из иллюзий заключается в понимании различия двух миров, как различия субстанций. В действительности, это есть различие по модусу существования.

Человек переходит
от рабства к свободе

Человек переходит от рабства к свободе, от раздробленности к целостности, от безличности к личности, от пассивности к творчеству, то есть переходит к духовности. Этот мир есть мир объективации, детерминизма, отчужденности и вражды, закона. «Иной» мир есть мир духовности, свободы, любви, родственности. Другая иллюзия сознания заключается в том, что отношения между двумя мирами понимаются, как абсолютная объективированная трансцендентность.

Мир духовности
созидается
и человеческим
творчеством

При этом переход из одного мира в другой пассивно ожидается и активность человека не играет роли. В действительности, иной мир, мир духовности, царство

Божие, не только ожидается, но создается и человеческим творчеством, есть творческое преображение мира, подверженного болезни объективации. Это есть духовная революция. «Иной» мир не может быть создан только человеческими силами, но не может быть создан и без творческой активности человека. Это приводит нас к проблеме эсхатологической, к проблеме конца истории и, значит, освобождения человека от рабства у истории.
